

Будда Паяси(Паясисуттанта)Буддизм filosofff.org
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://filosoff.org/> Приятного чтения!

Паяси (Паясисуттанта)

Буддизм

ПАЯСИ (ПАЯСИСУТТАНТА)

Так я слышал:

Однажды достопочтенный Кашьяпа-царевич(1) странствовал по стране Кошале с большой общиной монахов, круглым счетом с пятьюстами монахов, и пришел в город кошальцев, называемый Сетавия. И там, в Сетавие, достопочтенный Кашьяпа-царевич остановился к северу от самой Сетавии, в роще шимшаповых деревьев.

А в то время процветающей Сетавией, где было вдоволь травы, дров и воды, вдоволь зерна, распорядился князь(2) Паяси, как царской вотчиной, данной ему царем Прасенаджитом кошальским-данной по-царски, в полное владение.

И в то время князь Паяси придерживался такого дурного воззрения: "Нет-де того света(3), нет самородных существ, нет плода и последствия дурных и добрых дел".

И прослышали сетавийские брахманы-домовладыки: "Говорят, что шраман Кашьяпа-царевич, ученик шрамана Готама(4), странствуя по Кошале с большой общиной монахов, круглым счетом с пятьюстами монахов посетил Сетавию и остановился к северу от Сетавии в роще шимшаповых деревьев. И про этого почтенного Кашьяпу-царевича распространилась такая добрая слава-он умен, разумен, проникателен, много знает, красно говорит, удачно отвечает, зрелый человек и святой. Право, хорошо встречаться с подобными святыми людьми". И вот сетавийские брахманы-домовладыки вышли Сетавии, собравшись вместе и сообщая, и направились к северу, в рощу шимшаповых деревьев.

А в то время князь Паяси предавался дневному отдыху на крыше своего дворца. И увидал князь Паяси, что сетавийские брахманы-домовладыки вышли из Сетавии, собравшись вместе и сообщая, и направились к северу, в рощу шимшаповых деревьев. Увидав это, он обратился к колесничему.

-Что это, колесничий, сетавийские брахманы-домовладыки вышли из Сетавии, собравшись вместе и сообщая, и направились к северу, в сторону рощи шимшаповых деревьев?

- Есть такой шраман Кашьяпа-царевич, ученик шрамана Готама. Странствуя по Кошале с большой общиной монахов, круглым счетом с пятьюстами монахов, он посетил Сетавию и остановился к северу от Сетавии в роще шимшаповых деревьев. И про этого почтенного Кашьяпу-царевича распространилась такая добрая слава-он умен, разумен, проникателен, много знает, красно говорит, удачно отвечает, зрелый человек и святой. Вот они и идут, чтобы встретиться с почтенным Кашьяпой-царевичем.

- Тогда ты, колесничий, подойди к сетавийским брахманам-домовладыкам; подойдя к сетавийским брахманам-домовладыкам, скажи им, что князь Паяси вот как говорит: "Подождите, почтенные. Князь Паяси тоже хочет встретиться со шраманом Кашьяпой-царевичем. Прежде когда-то шраман Кашьяпа-царевич так наставлял глупых и неразумных сетавийских брахманов-домовладык, что есть-де тот свет, есть самородные существа, есть плоды и последствия дурных и добрых дел. Но ведь нет, колесничий, того света, нет самородных существ, нет плодов и последствий дурных и добрых дел".

- Да почтенный, - ответил тот колесничий князю Паяси; подошел он к сетавийским брахманам; подойдя к сетавийским брахманам, он сказал:

- Князь Паяси вот что говорит: "Подождите, почтенные, князь Паяси тоже хочет встретиться со шраманом Кашьяпой-царевичем".

И вот князь Паяси в окружении сетавийских брахманов-домовладык пришел к достопочтенному Кашьяпе-царевичу. Придя, он обменялся с достопочтенным Кашьяпой-царевичем учтивыми, дружественными словами приветствия и сел подле него. А из сетавийских брахманов-домовладык иные поздоровались с достопочтенным Кашьяпой-царевичем и сели подле, иные обменялись с достопочтенным Кашьяпой-царевичем учтивыми, дружественными словами приветствия и сели подле, иные сложили на груди ладони, приветствуя его, и сели подле, иные назвали свое имя и готру и сели подле, иные молча сели подле. И сидя подле достопочтенного Кашьяпы-царевича, князь Паяси сказал ему:

- Я, уважаемый Кашьяпа, так считаю и так утверждаю: нет того света, нет самородных существ, нет плодов и последствий дурных и добрых дел.

- Не видал я и не слыхал, князь, тех, кто так считал бы и так утверждал. Как же можно так утверждать, что-де нет того света, нет самородных существ, нет плодов и последствий дурных и добрых дел? Я уж тебя, князь, порасспрошу в ответ, а ты мне говори, как считаешь правильным. Как ты полагаешь, князь, вот солнце и луна - они на этом свете или на том, и боги они или люди?

- Солнце и луна, уважаемый Кашьяпа, - на том свете, не на этом, и они боги, а не люди.

- Так что из такого соображения, князь, выходит, что есть тот свет, есть самородные существа, есть плоды и последствия дурных и добрых дел.

- Хоть почтенный Кашьяпа и говорит так, я продолжаю думать, что нет того света, нет самородных существ, нет плодов и последствий дурных и добрых дел.

- И у тебя есть какое-то соображение, князь, из которого выходит, что нет того света, нет самородных существ, нет плодов и последствий дурных и добрых дел?

- Есть, уважаемый Кашьяпа.

- И какое же оно, князь?

- Вот есть у меня, уважаемый Кашьяпа, друзья-приятели или кровные родственники-убийцы, воры, прелюбодеи, лгуны, клеветники, грубияны, пустословы, жадные, исполненные вражды и ложных воззрений(5). Иной раз случается, что они занемогут, занедужат и сделаются тяжело больны. Когда я уверен, что им уж от этой болезни не оправиться, я к ним иду и говорю: "Есть шраманы и брахманы, которые так считают и так утверждают: Все те, кто убийцы, воры, прелюбодеи, лгуны, клеветники, грубияны, пустословы, жадные, исполнены вражды и ложных воззрений-те после смерти, после распада тела попадут в дурной удел, в преисподнюю, в кромешную, в ад. И вы, почтенные, - как раз убийцы, воры, прелюбодеи, лгуны, клеветники, грубияны, пустословы, жадные, исполнены вражды и ложных воззрений. Если утверждение тех шраманов и брахманов истинно, то вы, почтенные, после смерти, распада тела попадете в дурной удел, в преисподнюю, в кромешную, в ад. Если вы и в самом деле попадете после смерти, после распада тела в дурной удел, в преисподнюю, в кромешную, в ад, то навестите меня и дайте знать: есть-де тот свет, есть самородные существа, есть плоды и последствия дурных и добрых дел. Я на вас, почтенные, надеюсь, я вам доверяю, что вы видели, почтенные, то все равно, что я сам видел, так то и должно быть". Они мне обещают, да не приходят потом и знать не дают, и вестника не шлют. Вот то соображение, уважаемый Кашьяпа, из которого у меня выходит, что нет того света, нет самородных существ, нет плодов и последствий дурных и добрых дел.

- Так я тебя, князь, порасспрошу в ответ, а ты мне говори, как считаешь правильным. Как ты полагаешь, князь? Представь, что приведут к тебе избличенного разбойника: "Почтенный, вот избличенный разбойник. Определяй ему такую кару, какую захочешь". И ты им велишь: "Ну-ка, свяжите этому человеку руки за спиной прочной веревкой, тугим узлом, обрейте его наголо, проведите под резкие звуки барабана по всем улицам, всем перекресткам, выведите через южные ворота, к югу от города на лобном месте голову ему отрубите". "Слушаемся", - ответят тебе слуги, свяжут ему руки за спиной прочной веревкой, тугим узлом,

обреют его наголо, проведут под резкие звуки барабана по всем улицам, по всем перекресткам, выведут через южные ворота и к югу от города посадят его на лобном месте. Выйдет ли у разбойника, если попросит он палачей: "Подождите немного, почтенные палачи. Есть у меня в такой-то деревне или на таком-то торжке друзья-приятели, кровные родственники. Я им кое-что передам и вернусь", или так и отрубят ему палачи голову под эти причитания?

- Если, уважаемый Кашьяпа, разбойник попросит палачей: "Подождите немного, почтенные палачи. Есть у меня в такой-то деревне или на таком-то торжке друзья-приятели, кровные родственники. Я им кое-что передам и вернусь", - то ничего у него не выйдет. Так и отрубят ему палачи голову под эти причитания.

- Стало быть, князь, если разбойник попросит палачей: "Подождите немного, почтенные палачи. Есть у меня в такой-то деревне или на таком-то Торжке друзья-приятели, кровные родственники. Я им кое-что передам и вернусь", -то ничего у него не выйдет, хотя и он человек, и они люди. Так неужто у твоих друзей-приятелей или кровных родственников-убийц, воров, прелюбодеев, лгунов, клеветников, пустословов, жадных, исполненных вражды и ложных воззрений, когда они после смерти, после распада тела попадут в дурной удел, в преисподнюю, в кромешную, в ад, выйдет, если они попросят адских стражей: "Подождите немного, почтенные адские стражи. Мы только сходим к князю Паяси и дадим ему знать, что есть тот свет, есть самородные существа, есть плоды и последствия дурных и добрых дел?" Так что и из такого соображения, князь, выходит, что есть тот свет, есть самородные существа, есть плоды и последствия дурных и добрых дел.

- Хоть почтенный Кашьяпа и говорит так, я продолжаю думать, что нет того света, нет самородных существ, нет плодов и последствий дурных и добрых дел.

- И у тебя есть какое-то соображение, князь?

- Есть, уважаемый Кашьяпа.

- И какое же оно, князь?

- Вот есть у меня, уважаемый Кашьяпа, друзья-приятели или кровные родственники, - отвращенные от убийства, отвращенные от воровства, отвращенные от прелюбодеев, отвращенные от лжи, отвращенные от клеветы, отвращенные от грубости, отвращенные от пустословия, не жадные, лишены враждебности и исполнены истинных воззрений. Иной раз случается, что они занемогут, занедужат, сделаются тяжело больны. Когда я уверен, что им уже от этой болезни не оправиться, я к ним иду и говорю: "Есть шраманы и брахманы, которые так считают и так утверждают: "Все те, кто отвращены от убийства, отвращены от воровства, отвращены от прелюбодеев, отвращены от лжи, отвращены от клеветы, отвращены от грубости, отвращены от пустословия, не жадны, лишены враждебности и исполнены истинных воззрений - все они после смерти, после распада тела попадут в благой удел, на небеса". И вы, почтенные, - как раз отвращены от убийства, отвращены от воровства, отвращены от прелюбодеев, отвращены от лжи, отвращены от клеветы, отвращены от грубости, отвращены от пустословия, не жадны, лишены враждебности и исполнены истинных воззрений. Если утверждение тех шраманов и брахманов истинно, то вы, почтенные, после смерти, после распада тела попадете в благой удел, на небеса. Если вы и в самом деле попадете после смерти, после распада тела в благой удел, на небеса, то навестите меня и дайте знать: есть-де тот свет, есть самородные существа, есть плоды и последствия дурных и добрых дел. Я на вас, почтенные, надеюсь, я вам доверяю, что вы видели, почтенные, то все равно, что я сам видел, так то и должно быть". Они мне обещают, да не приходят потом и знать не дают, и вестника мне не шлют. Вот то соображение, уважаемый Кашьяпа, из которого у меня выходит, что нет того света, нет самородных существ, нет плодов и последствий дурных и добрых дел.

- Так я тебе, князь, сравнение приведу. Через сравнение некоторые сообразительные люди понимают смысл сказанного. Представь себе, князь, что человек сидит по уши в куче дерьма. И ты прикажешь своим слугам: "Вытащите-ка этого человека из этой кучи дерьма". "Слушаемся", ответят они и вытащат того человека из той кучи дерьма. "А теперь хорошенько соскребите дерьмо с тела этого человека бамбуковой щеткой". -"Слушаемся", - ответят они и хорошенько соскребут дерьмо с тела этого человека бамбуковой щеткой. И ты им велишь: "А теперь три раза хорошенько оботрите тело этого человека желтой глиной". И они три раза хорошенько оботрут тело этого человека желтой глиной. И ты им велишь: "А теперь

умастите тело этого человека маслом и три раза как следует припудрите его тонкой пудрой". И они умастят его тело маслом и три раза как следует припудрят его тонкой пудрой. И ты им велишь: "А теперь причешите ему голову и бороду". И они причешут этому человеку голову и бороду. И ты им велишь: "А теперь умастите этого человека драгоценным благовонием, наденьте на него драгоценную гирлянду, драгоценные одежды". И они умастят его драгоценным благовонием, наденут на него драгоценную гирлянду и драгоценные одежды. И ты им велишь: "А теперь отведите этого человека во дворец, ублажайте все его пять чувств". И они отведут его во дворец и станут ублажать все его пять чувств. – Как ты полагаешь, князь? Будет ли у этого человека вымытого, умашенного, причесанного, надевшего гирлянды и ожерелья, одевшегося в белое, находящегося на террасе прекрасного дворца, ублажающего, удовлетворяющего и тешащего все свои пять чувств, – будет ли у него желание снова залезть в кучу дерьма?

– Вовсе нет, уважаемый Кашьяпа.

– С чего же так?

– Грязна, Кашьяпа, куча дерьма, и слывет грязною, вонюча и слывет вонючею, мерзка и слывет мерзкою, отвратительна и слывет отвратительною.

– Вот точно так же, князь, и люди для богов – грязны и слывут грязными, вонючи и слывут вонючими, мерзки и слывут мерзкими, отвратительны и слывут отвратительными. Человеческий запах для богов уже за сто йоджан противен делается, о князь. Так неужто твои друзья–приятели, кровные родственники, что отвращены от убийства, отвращены от воровства, отвращены от прелюбодеяния, отвращены от лжи, отвращены от клеветы, отвращены от грубости, отвращены от пустословия, не жадны, лишены враждебности и исполнены истинных воззрений, когда они после смерти, после распада тела попадут на небеса, навещают тебя и дадут знать: есть–де тот свет, есть самородные существа, есть плоды и последствия дурных и добрых дел? – Так что и из такого соображения, князь, выходит, что есть тот свет, есть самородные существа, есть плоды и последствия дурных и добрых дел.

– Хоть почтенный Кашьяпа и говорит так, я продолжаю думать, что нет того света, нет самородных существ, нет плодов и последствий дурных и добрых дел.

– И у тебя есть какое–то соображение, князь?

– Есть, уважаемый Кашьяпа.

– И какое же оно, князь?

– Вот есть у меня, уважаемый Кашьяпа, друзья–приятели или кровные родственники, – отвращенные от убийства, отвращенные от воровства, отвращенные от прелюбодеяния, отвращенные от лжи, отвращенные от клеветы, отвращенные от грубости, отвращенные от пустословия, не жадные, лишены враждебности и исполнены истинных воззрений. Иной раз случается, что он" занемогут, занедужат, сделаются тяжело больны. Когда я уверен, что им уж от этой болезни не оправиться, я к ним иду и говорю: "Есть шраматы и брахманы, которые так считают и так утверждают: те, кто отвращены от убийства, отвращены от воровства, отвращены от прелюбодеяния, отвращены от лжи, отвращены от клеветы, отвращены от грубости, отвращены от пустословия, не жадны, лишены враждебности и исполнены истинных воззрений, те после смерти, после распада тела попадают в благой удел, на небеса, в сообщество богов Обители Тридцати Трех(6). И вы, почтенные, как раз отвращены от убийства, отвращены от воровства, отвращены от прелюбодеяния, отвращены от лжи, отвращены от клеветы, отвращены от грубости, отвращены от пустословия, не жадны, лишены враждебности и исполнены истинных воззрений. Если утверждение тех шраманов и брахманов истинно, то вы, почтенные, после смерти, после распада тела попадете в благой удел, на небеса, в сообщество богов Обители Тридцати Трех. Если вы и в самом деле попадете после смерти, после распада тела в благой удел, на небеса, в сообщество богов Обители Тридцати Трех, то навещите меня и дайте знать: есть–де тот свет, есть самородные существа, есть плоды и последствия дурных и добрых дел. Я на вас, почтенные, надеюсь, я вам доверяю, что вы видели, почтенные, то все равно что я сам видел, так то и должно быть". Они мне обещают, да не приходят потом и знать не дают, да и вестника мне не шлют. Вот то соображение, уважаемый Кашьяпа, из которого у меня выходит, что нет того света, нет самородных существ, нет плодов и последствий дурных и добрых

дел.

- Так я тебя, князь, порасспрошу в ответ, а ты мне говори, как считаешь правильным. То, что для людей сто лет, - то для богов Обители Тридцати Трех одни сутки. Тридцать таких суток составят месяц, двенадцать таких месяцев составят год, а тысяча таких божественных лет - это жизненный век богов Обители Тридцати Трех. А те твои друзья-приятели, кровные родственники, что были отвращены от убийства, отвращены от воровства, отвращены от прелюбодеяния, отвращены от лжи, отвращены от клеветы, отвращены от грубости, отвращены от пустословия, не жадны, лишены враждебности, исполнены истинных воззрений, - те после смерти, после распада тела попали в благой удел, на небеса, в сообщество богов Обители Тридцати Трех. Что, если им придет на ум: "Мы, пожалуй, два-три дня ублажим, удовлетворим и потешим божественными уладами все пять чувств, а уж потом навестим князя Паяси и дадим ему знать, что есть тот свет, есть самородные существа, есть плоды и последствия дурных и добрых дел". - Так как же, навестят они тебя и дадут ли знать: есть-де тот свет, есть самородные существа, есть плоды и последствия дурных и добрых дел?

- Вовсе нет, уважаемый Кашьяпа. Нас ведь к тому времени давно уже не будет в живых. Но только откуда это известно почтенному Кашьяпе, что боги Обители Тридцати Трех действительно есть и что жизненный век у этих богов такой-то? Мы почтенному Кашьяпе не верим - ни в том, что есть боги Обители Тридцати Трех, ни в том, что жизненный век их такой-то.

- Представь себе, князь, человека, слепого от роду. Не видит он темного и светлого, не видит синего, не видит желтого, не видит красного, не видит розового, не видит ровного и неровного, не видит звезд, не видит солнца и луны. И вот он скажет: "Нет темного и светлого, нет и того, кто видел бы темное и светлое; нет синего, нет и того, кто видел бы синее; нет желтого, нет и того, кто видел бы желтое; нет красного, нет и того, кто видел бы красное; нет розового, нет и того, кто видел бы розовое; нет ровного и неровного, нет и того, кто видел бы ровное и неровное; нет звезд, нет и того, кто видел бы звезды, нет солнца и луны, нет и того, кто видел бы солнце и луну. Я их не знаю, я их не вижу, стало быть, их и нет". - Истинным ли будет его утверждение, князь?

- Нет, уважаемый Кашьяпа. Есть темное и светлое, есть и те, кто видят темное и светлое; есть синее, есть и те, кто видят синее; есть желтое, есть и те, кто видят желтое; есть красное, есть и те, кто видят красное; есть розовое, есть и те, кто видят розовое; есть ровное и неровное, есть и те, кто видят ровное и неровное; есть звезды, есть и те, кто видят звезды; есть солнце и луна, есть и те, кто видят солнце и луну. Тот, кто утверждал бы: "Я этого не знаю, я этого не вижу, стало быть, этого и нет", - не утверждал бы истины.

- Вот точно так же и ты, князь, сдается мне, подобен человеку, слепому от роду, когда ты утверждаешь: "Откуда это известно почтенному Кашьяпе, что боги Обители Тридцати Трех действительно есть и что жизненный век их такой-то?" Так нельзя увидеть тот свет, как тебе мнится - этим самым плотским человеческим зрением. Но те шраманы и брахманы, князь, что предпочитают жить в лесных пустынях, в уединенных скитах, далеких от шума и суеты, очищают там небесчеловично, ревностно, старательно свое божественное зрение, они-то и видят этим божественным зрением - вполне очищенным, превосходящим обычное человеческое - видят этот свет и тот свет, и самородные существа. Вот как можно увидеть тот свет, князь, но не так, как мнится тебе, - этим самым плотским человеческим зрением. Так что и из такого соображения, князь, выходит, что есть тот свет, есть самородные существа, есть плоды и последствия дурных и добрых дел?

- Хоть почтенный Кашьяпа и говорит так, я продолжаю думать, что нет того света, нет самородных существ, нет плодов и последствий дурных и добрых дел.

- И у тебя есть какое-то соображение, князь?

- Есть, уважаемый Кашьяпа.

- И какое же оно, князь?

- Вот вижу я, почтенный Кашьяпа, что добродетельные, преданные благой дхарме шраманы и брахманы хотят жить, не хотят умирать, хотят счастья, избегают несчастья. И я так думаю, уважаемый Кашьяпа: "Если бы эти добродетельные,

преданные благой дхарме шраманы и брахманы были уверены, что после смерти им будет лучше, чем здесь, то они либо отравились, либо зарезались, либо повесились, либо в пропасть бро-сились. А раз эти добродетельные шраманы и брахманы не уверены, что после смерти им будет лучше, чем здесь, то эти почтенные добродетельные, преданные благой дхарме шраманы и брахманы и хотят жить, не хотят умирать, хотят счастья, избегают несчастья". Вот то соображение, уважаемый Кашьяпа, из которого у меня и выходит, что нет того света, нет самородных существ, нет плодов и последствий дурных и добрых дел.

- Так я тебе, князь, сравнение приведу. Через сравнение некоторые сообразительные люди понимают смысл сказанного. Когда-то, князь, жил некий брахман, у которого были две жены. От одной жены у него был сын десяти лет или двенадцати, а другая была беременна, на сносях, - тут брахман скончался. И вот юный брахман говорит второй жене своего отца: "Почтенная! Все деньги и все добро, все серебро и золото - это все мое. Твоего тут ничего нет; вручи мне, почтенная, отцовское наследство". На это та брахманка говорит юному брахману: "Подожди, милый, пока я не рожу. Если мальчик родится, то и ему часть будет полагаться. А если девочка родится, то и она будет в твоём распоряжении". И другой раз говорит юный брахман второй жене своего отца: "Почтенная! Все деньги и все добро, все серебро и все золото все это мое. Твоего тут ничего нет. Вручи мне, почтенная, отцовское наследство". И другой раз говорит брахманка юному брахману: "Подожди, милый, пока я не рожу. Если мальчик родится, то и ему часть будет полагаться. А если девочка родится, то и она будет в твоём распоряжении". И в третий раз говорит юный брахман второй жене своего отца: "Почтенная! Все деньги и добро, все серебро и золото - все это мое. Твоего тут ничего нет. Вручи мне, почтенная, отцовское наследство". И вот та брахманка вошла с мечом во внутреннюю комнату и разрешила себе живот: "Сейчас выясню, мальчик у меня или девочка". Так она и свою жизнь, и дитя, и свое богатство погубила, погибель свою, глупая и неразумная, нашла, ибо неправильно стремилась получить наследство. Вот точно так же и ты, князь, глупо и неразумно найдешь свою погибель, неправильно стремясь на тот свет, - так же как та брахманка, глупая и неразумная, нашла свою погибель, неправильно стремясь получить наследство. Добродетельные, следующие благой дхарме шраманы и брахманы, о князь, не торопят незрелый плод; умные люди дожидаются пока он созреет. Есть ведь смысл, о князь, в жизни добродетельных, следующих благой дхарме шра-манов и брахманов. Сколько живут, о князь, добродетельные, следующие благой дхарме шраманы и брахманы, столько и творят они многие блага, стараются ради пользы многих, ради счастья богам и людям. Так что и из такого соображения, князь, выходит, что есть тот свет, есть самородные существа, есть плоды и последствия дурных и добрых дел.

- Хоть почтенный Кашьяпа и говорит так, я продолжаю думать, что нет того света, нет самородных существ, нет плодов и последствий дурных и добрых дел.

- И у тебя есть какое-то соображение, князь?

- Есть, уважаемый Кашьяпа.

- И какое же оно, князь?

- Вот приводят ко мне, Кашьяпа, избалованного разбойника: "Почтенный! Это - избалованный разбойник. Определяй ему такую кару, какую захочешь". И я своим слугам велю: "Ну-ка, посадите этого человека живьем в горшок, закройте крышкой, обтяните его сверху сырой шкурой, обмажьте мокрой глиной и поставьте его на огонь". "Слушаемся", - говорят они, сажают этого человека живьем в горшок, закрывают его крышкой, обтягивают сверху сырой шкурой, обмазывают мокрой глиной и ставят его на огонь. Когда мы уверены, что человек уже умер, мы горшок снимаем, отвязываем шкуру, приоткрываем и тихонько смотрим: "Ну-ка, посмотрим сейчас, как его душа выходить будет". И не видим мы, как его душа выходит. Вот то соображение, уважаемый Кашьяпа, из которого у меня выходит, что нет того света, нет самородных существ, нет плодов и последствий дурных и добрых дел.

- Ты согласишься со мной, князь, что во время дневного отдыха видишь иной раз во сне прекрасные парки, прекрасные рощи, прекрасные местности, прекрасные пруды.

- Да, уважаемый Кашьяпа, я согласен с тобой: я во время дневного отдыха вижу иной раз во сне прекрасные парки, прекрасные рощи, прекрасные местности, прекрасные пруды.

- А охраняют тебя в это время горбуны, карлики, молодые девушки?
- Да, уважаемый Кашьяпа. Меня в это время охраняют горбуны, карлики, молодые девушки.
- И разве видят они, как твоя душа уходит, а потом возвращается?
- Нет, уважаемый Кашьяпа.
- Значит, твою живую душу другие живые люди увидеть не могут ни когда она уходит, ни когда возвращается. Где уж тогда тебе увидеть мертвую душу, когда она выходит? Так что и из этого соображения, князь, выходит, что есть тот свет, есть самородные существа, есть плоды и последствия дурных и добрых дел.
- Хоть почтенный Кашьяпа и говорит так, я продолжаю думать, что нет того света, нет самородных существ, нет плодов и последствий дурных и добрых дел.
- И у тебя есть какое-то соображение, князь?
- Есть, уважаемый Кашьяпа.
- И какое же оно, князь?
- Вот приводят ко мне, Кашьяпа, изобличенного разбойника: "Почтенный! Это - изобличенный разбойник. Определяй ему такую кару, какую захочешь". И я своим слугам велю: "Ну-ка: взвесьте этого человека живьем на весах, удавите его веревкой, а потом взвесьте еще раз". "Слушаемся", - они говорят, взвешивают этого человека живьем на весах, удавливают его веревкой и взвешивают еще раз. Оказывается, что когда он жив, он и легче, и мягче, и податливее, а когда он мертв, тогда он и тяжелее, и тверже, и неподатливее. - Вот то соображение, уважаемый Кашьяпа, из которого у меня выходит, что нет того света, нет самородных существ, нет плодов и последствий дурных и добрых дел.
- Так я тебе, князь, сравнение приведу. Через сравнение некоторые сообразительные люди понимают смысл сказанного. Представь, князь, что некто взвесил на весах железный шар, который нагревали целый день, раскаленный, пышущий жаром, излучающий сияние; а потом взвесил его же, когда он остыл и охладился. Когда же этот шар окажется легче, мягче и податливее: тогда ли, когда он раскален, пышет жаром и излучает сияние или когда он остыл и охладился?
- Когда в этом железном шаре есть зной и ветер, уважаемый Кашьяпа, и он раскален, пышет жаром и излучает сияние, - тогда он и легче, и мягче, и податливее. Когда же в этом шаре нет зноя и нет ветра, и он остыл и охладился, - тогда он тяжелее, и тверже, и неподатливее.
- Вот точно так же, князь, когда в этом теле есть жизненная сила, есть тепло, есть сознание - тогда оно и легче, и мягче, и податливее. Когда же в этом теле нет ни жизненной силы, ни тепла, ни сознания, тогда оно и тяжелее, и тверже, и неподатливее. - Так что и из этого соображения, князь, выходит, что есть тот свет, есть самородные существа, есть плоды дурных и добрых дел.
- Хоть почтенный Кашьяпа и говорит так, я продолжаю думать, что нет того света, нет самородных существ, нет плодов и последствий дурных и добрых дел.
- И у тебя есть какое-то соображение, князь?
- Есть, уважаемый Кашьяпа.
- И какое же оно, князь?
- Вот приводят ко мне, Кашьяпа, изобличенного разбойника: "Почтенный! Это - изобличенный разбойник. Определяй ему такую кару, какую захочешь". И я своим слугам велю: "Умертвите его, не нарушив целостности ни кожи, ни мышц, ни жил, ни костей, ни костного мозга". "Слушаемся", - говорят они и начинают его умерщвлять, не нарушая целостности ни кожи, ни мышц, ни жил, ни костей, ни костного мозга. Когда он уже наполовину мертв, я им велю: "Ну-ка, положите этого человека навзничь, посмотрим сейчас, как из него душа выходить будет". Кладут они его навзничь, но не видим мы, как душа из него выходит. Тогда я им велю: "Ну-ка,

положите этого человека ничком... а теперь – на бок... а теперь – на другой бок... а теперь – поставьте его на ноги... а теперь – поставьте его на голову... а теперь – ударяйте его рукой... а теперь – ударяйте его комом земли... а теперь трясите его... сильнее трясите... еще сильнее трясите – посмотрим сейчас, как из него душа выходить будет". Они все делают, как я велю, но не видим мы, чтобы душа из него выходила вон. Глаза у него все те же, зримые образы те же, но он их не воспринимает; уши у него те же, звуки – те же, но он их не воспринимает; обоняние у него то же, запахи – те же, но он их не воспринимает, язык у него тот же, вкусы – те же, но он их не воспринимает; тело у него – то же, осязаемые на ощупь предметы – те же, но он их не воспринимает. Вот то соображение, уважаемый Кашьяпа, из которого у меня выходит, что нет того света, нет самородных существ, нет плодов и последствий дурных и добрых дел.

– Так я тебе, князь, сравнение приведу. Через сравнение некоторые сообразительные люди понимают смысл сказанного. Когда-то, князь, некий трубач в раковину отправился со своей раковиной в захолустную местность. Пришел он в какую-то деревню, придя, остановился посреди деревни, трижды протрубил в раковину, положил ее наземь, а сам рядом сел. И вот, князь, жителям захолустья подумалось: "Что же это за звук такой зовущий, такой влекущий, такой чарующий, такой душу бередящий, такой голову кружащий?" Собрались они и спрашивают трубача: "Скажи нам, что за звук такой зовущий, такой влекущий, такой чарующий, такой душу бередящий, такой голову кружащий?" – "А вот раковина, это ее звук такой зовущий, такой влекущий, такой чарующий, такой душу бередящий, такой голову кружащий". Положили они раковину на землю: "Труби, раковина, труби, раковина!" Раковина молчит. Они ее перевернули... на бок положили,.. на другой бок положили... на попа поставили,.. перевернув, поставили,.. рукой ударили,.. потрясли,.. сильнее потрясли,.. еще сильнее потрясли: "Труби, раковина, труби, раковина!" А раковина все молчит. И тут, князь, трубачу подумалось: "До чего же глуп народ в захолустье! Как же неправильно добиваются они звука от раковины!" Взял он у них на глазах раковину, трижды протрубил в нее и ушел с раковиной. И тогда, князь, жителям того захолустья так подумалось: "Пока при раковине есть человек, есть (его) усилие, есть дуновение – до тех пор она трубит. А когда при этой раковине нет человека, нет его усилия, нет дуновения – тогда она не трубит". Вот точно так же, князь, пока в этом теле есть жизненная сила, есть тепло, есть сознание, – до тех пор оно ходит туда и сюда, и стоит, и сидит, и ложится, и глазами видит образы, и ушами слышит звуки, и обонянием чует запахи, и языком вкушает вкусы, и телом ощущает осязаемые предметы, и умом сознает дхармы. Когда же в этом теле нет жизненной силы, нет тепла, нет сознания, тогда оно и не ходит туда и сюда, и не стоит, и не сидит, и не ложится, и не видит глазами образов, не слышит ушами звуков, не чует обонянием запахов, не вкушает языком вкусов, не осознает умом дхарм. Так что и из этого соображения, князь, выходит, что есть тот свет, есть самородные существа, есть плоды и последствия дурных и добрых дел.

– Хоть почтенный Кашьяпа и говорит так, я продолжаю думать, что нет того света, нет самородных существ, нет плодов и последствий дурных и добрых дел.

– И у тебя есть такое-то соображение, князь?

– Есть, уважаемый Кашьяпа.

– И какое же оно, князь?

– Вот приводят ко мне, Кашьяпа, изобличенного разбойника: "Это, почтенный, изобличенный разбойник. Определяй ему такую кару, какую захочешь". И я своим слугам велю: "Срежьте с него верхний слой кожи, может, мы его душу увидим". Они срезают верхний слой кожи, но души мы его не видим. Тогда я им велю: "Нука, срежьте с него всю кожу,.. мышцы,.. жилы,.. кости,.. костный мозг, может, мы его душу увидим". Они все делают, как я велю, но души его мы не видим. – Вот то соображение, уважаемый Кашьяпа, из которого у меня выходит, что нет того света, нет самородных существ, нет плодов и последствий дурных и добрых дел.

– Так я тебе, князь, сравнение приведу. Через сравнение некоторые сообразительные люди понимают смысл сказанного. Когда-то, князь, некий почитающий огонь отшельник-космач(7) жил в шалаше в пустынной местности. И тогда, князь, какой-то народ переселился. И обоз его остановился на ночлег неподалеку от обители отшельника-космача, а наутро двинулся дальше. И вот, князь, тот отшельник подумал: "Схожу-ка я к ним на стоянку, авось что-то

полезное попадется". И вот этот поклоняющийся огню отшельник-космач встал вовремя, пришел на бывшую стоянку и увидел на этой стоянке маленького, слабого младенца, не умеющего еще ходить, - его забыли. Увидев его, отшельник подумал: "Недостойно меня, чтобы на моих глазах человеческое дитя погибло. Возьму-ка я этого мальчика к себе в обитель, усыновлю, воспитаю и выращу". И этот отшельник-космач, почитающий огонь, взял мальчика к себе в обитель, усыновил его, воспитал и вырастил. А когда мальчику исполнилось уже не то десять, не то двенадцать лет, понадобилось отшельнику сходить в населенные места по делам. И тут отшельник-космач сказал мальчику: "Сынок, мне надо сходить в населенные места. Смотри у меня, следи за костром, не давай ему потухнуть. А если костер у тебя потухнет, - вот нож, вот дрова, вот растопка: разведи костер опять и продолжай следить за ним". Так этот отшельник-космач, почитающий огонь, сказал мальчику и ушел в населенные места. А мальчик заигрался и проворонил костер, тот погас. Тут мальчик подумал: "Отец мне наказывал, чтобы я следил за костром и не давал ему погаснуть. А если костер погаснет, то вот у меня нож, вот дрова, вот растопка, чтобы развести костер опять и продолжать следить за ним. Разведу-ка я костер опять и буду следить за ним". Взял этот мальчик растопку и стал строгать ее ножом: "Так что ли костер разжигают?" Костер не загорелся. Расщепил он палочку для растопки пополам, расщепил натрое, расщепил на четыре части, на пять, на десять, на сто, в тонкие лучинки превратил, лучинки положил на колоду и измолотил, а потом по ветру развеял: "Так что ли костер разжигают?" Костер так и не загорелся. А отшельник-космач, почитающий огонь, справился со своими делами в населенной местности и вернулся в свою обитель. Вернувшись, он спросил мальчика: "Не погас ли у тебя костер, сынок?" - "Да, батюшка, заигрался я и проворонил костер, и он погас. И я подумал: "Отец мне наказывал, чтобы я следил за костром и не давал ему погаснуть. А если костер погаснет, вот у меня нож, вот дрова, вот растопка, чтобы развести костер опять и продолжать следить за ним. Разведу-ка я костер опять и буду следить за ним. Я взял палочку для растопки и стал строгать ее ножом - так, что ли, костер разжигают? Костер не загорелся. Я расщепил палочку для растопки пополам, расщепил натрое, расщепил на четыре части, на пять, на десять, на сто, в тонкие лучинки превратил, лучинки положил на колоду и измолотил, а потом по ветру развеял - так, что ли, костер разжигают? Костер так и не загорелся". Тут отшельник-космач подумал: "До чего же мальчик глуп и неразумен! Как же это он так неправильно костер разжечь старался?" - И он на глазах у мальчика взял растопку, разжег костер и сказал мальчику: "Вот так, сынок, нужно костер разжигать, а не так, как ты, глупо и неразумно, старался его разжечь". - Вот точно так же, князь, и ты глупо и неразумно стараешься найти тот свет. Откажись, князь, от этого вредного мнения. Не было бы тебе от него долгих бед и горя.

- Хоть почтенный Кашьяпа и говорит так, не смею я отказаться от этого вредного мнения. Ведь и царь Прасенаджит кошальский, и сопредельные цари знают, что князь Паяси так считает и утверждает: "Нет того света, нет самородных существ, нет плодов и последствий дурных и добрых дел". Если я откажусь от этого вредного мнения, будет кому упрекнуть меня - вот ведь глуп и неразумен князь Паяси, слабо за свои взгляды держится. Назло буду их держаться, с досады буду их держаться, из упрямства буду их держаться!

- Так я тебе, князь, сравнение приведу. Через сравнение некоторые сообразительные люди понимают смысл сказанного. Когда-то, князь, большой обоз в тысячу возов направлялся из восточной страны в западную. На своем пути он быстро расходовал всю солому, дрова, воду и свежую зелень. А в этом обозе ехали два купца - у одного было пятьсот возов и у другого - пятьсот возов. И тогда эти купцы решили так: "Очень уж большой у нас обоз - тысяча возов. Мы на своем пути быстро расходует всю солому, дрова, воду и свежую зелень. Не поделить ли нам обоз пополам, по пятьсот возов в каждой половине?" И поделили они обоз пополам: у одного пятьсот возов и у другого пятьсот возов. Один из купцов запас побольше соломы, дров, воды и отправился в путь. Через два-три дня пути попался навстречу им черный, красноглазый, с распущенными волосами, в гирлянде из лотосов, в мокрой одежде, с мокрой головой человек(8) на запряженной ослими повозке, колеса которой были вымазаны в грязи. Купец спросил его: "Откуда едешь? "Оттуда-то". - "А куда едешь?" - "Туда-то". - "А что, впереди, в пустыне ливень прошел?" - "Да, впереди в пустыне ливень прошел, колеи намокли, много травы, дров, воды; бросьте вы свою старую солому, дрова и воду, поезжайте быстро, налегке, зря волов не утруждайте". И вот купец созвал своих караванщиков: "Этот человек вот что говорит: "Впереди в пустыне прошел ливень, колеи намокли, много соломы, дров и воды. Бросьте вы свою старую солому, дрова и воду, поезжайте быстро и налегке, не утруждайте зря волов". - Бросим-ка мы старую солому, дрова и воду, поедем

быстро и налегке, не будем зря волов утруждать". "Хорошо", - согласились караванщики с купцом, выбросили старую солому, дрова и вылили воду и быстро налегке поехали вперед. И ни на первой стоянке не нашли они ни соломы, ни дров, ни воды, ни на второй, ни на третьей, ни на четвертой, ни на пятой, ни на шестой, ни на седьмой, и все они встретили там свою погибель. Всех людей, весь скот, что были в том обозе, пожрал тот якша-нелюдь, одни кости остались. Когда второй купец решил, что первый обоз уже далеко, он запас побольше соломы, дров, воды и отправился в путь. Через два-три дня пути и им попался навстречу черный, красноглазый, с распущенными волосами, в гирлянде из лотосов, в мокрой одежде, с мокрой головой человек на запряженной ослими повозке, колеса которой были вымазаны в грязи. Купец спросил его: "Откуда едешь?" - "Оттуда-то". - "И куда едешь?" - "Туда-то". "А что, впереди в пустыне ливень прошел?" - "Да, впереди в пустыне ливень прошел, колеи намокли, много соломы, дров, воды; бросьте вы свою старую солому, дрова, воду, поезжайте налегке, быстро, зря волов не утруждайте". И вот купец созвал своих караванщиков: "Этот человек вот что говорит: "Впереди в пустыне прошел ливень, колеи намокли, много соломы, дров и воды. Бросьте вы свою старую солому, дрова и воду, поезжайте быстро и налегке, не утруждайте зря волов". Но этот человек - не друг нам и не кровный родственник, как же мы можем на него положиться? Нельзя бросать запасенную солому, дрова и воду, поедем с поклажей, что у нас есть, а запаса не бросим". "Хорошо", согласились караванщики с купцом и поехали дальше с поклажей, что у них была. И ни на первой стоянке не нашли они ни соломы, ни дров, ни воды, ни на второй, ни на третьей, ни на четвертой, ни на пятой, ни на шестой, ни на седьмой, и увидели они там остатки обоза, встретившего свою погибель. А от всех людей и всего скота, бывших в том обозе и пожранных якшей-нелюдь, остались, как увидели они, одни кости. И вот тот купец созвал своих караванщиков: "Вот тот первый обоз, что нашел здесь свою погибель из-за глупости купца - своего владельца. А мы теперь давайте выбросим из своего обоза те товары, что попроще, и возьмем из их обоза те товары, что поценнее". "Хорошо", - согласились караванщики с купцом, выбросили из своего обоза те товары, что попроще, и взяли из того обоза те товары, что поценнее, и благополучно выбрались из пустыни благодаря рассудительности купца - своего владельца. Вот точно так же и ты, князь, погибель свою найдешь, неправильно стараясь найти тот свет, глупо и неразумно. И те, кто решат, что тебе стоит верить и тебя стоит слушать, тоже найдут свою погибель, как те караванщики. Откажись, князь, от этого вредного мнения. Откажись, князь, от этого вредного мнения. Не было бы тебе от него долгих бед и горя.

- Хоть почтенный Кашьяпа и говорит так, не смею я отказаться от этого вредного мнения. Ведь и царь. Прасенаджит кошальский, и сопредельные цари знают, что князь Паяси так считает и так утверждает - нет того света, нет самородных существ, нет плодов и последствий дурных и добрых дел. Если я откажусь от этого вредного мнения, будет кому упрекнуть меня - вот ведь глуп и неразумен князь Паяси, слабо за свои взгляды держится. Назло буду их держаться, с досады буду их держаться, из упрямства буду их держаться!

- Так я тебе, князь, сравнение приведу. Через сравнение некоторые сообразительные люди понимают смысл сказанного. Когда-то, князь, некий свиновод пришел из своей деревни в другую деревню. И увидел он там брошенную кучу сухого навоза. Увидев ее, он решил: "Вот брошена целая куча сухого навоза, а это ведь корм моим свиньям. Заберу-ка я себе этот навоз". Расстелил он верхнюю одежду, наложил в нее допона сухого навоза, связал узел и понес его на голове домой. А по пути прошел случайный ливень. Человек шел себе, а навоз размок, потек и замарал его всего вплоть до кончиков ногтей. Видят его люди и говорят: "Эй, приятель, ты что, тронулся, ты что, рехнулся? Ведь навоз размок, потек, всего тебя вплоть до кончиков ногтей замарал, а ты себе идешь?" "Сами вы тронулись, сами вы рехнулись! Это же корм моим свиньям". Вот точно так же и ты, князь, сдается мне, подобен человеку с грузом навоза. Откажись, князь, от этого вредного мнения. Откажись, князь, от этого вредного мнения. Не было бы тебе от них долгих бед и горя.

- Хоть почтенный Кашьяпа и говорит так, не смею я отказаться от этого вредного мнения. Ведь и царь Прасенаджит кошальский, и сопредельные цари знают, что князь Паяси так считает и так утверждает - нет того света, нет самородных существ, нет плодов и последствий дурных и добрых дел. Если я откажусь от этого вредного мнения, будет кому меня упрекнуть - вот ведь глуп и неразумен князь Паяси, слабо за свои взгляды держится. Назло буду их держаться, с досады буду их держаться, из упрямства буду их держаться!

- Так я тебе, князь, сравнение приведу. Через сравнение некоторые сообразительные люди понимают смысл сказанного. Когда-то, князь, играли два жулика в кости. Один жулик всякий раз, как у него выпадал неудачный бросок, кости проглатывал. Увидел другой жулик, что первый жулик всякий раз проглатывает кости, когда у него выпадает неудачный бросок, и сказал первому жулику: "Ты что-то, приятель, все выигрываешь да выигрываешь. Дай-ка мне кости, я принесу ими жертву". "Бери, приятель", - и первый жулик отдал второму жулику кости. И вот тот жулик натер как следует кости ядом и сказал первому жулику: "Ну, что, приятель, в кости сыграем?" "Давай, приятель", - отвечал второй жулик первому жулику. Снова стали играть в кости, и снова тот жулик стал проглатывать кости всякий раз, когда у него выпадал неудачный бросок. И увидел тот жулик, что первый жулик снова всякий раз проглатывает кости, когда у него выпадает неудачный бросок. Видя это, сказал он тому жулику:

Кость, ядом страшным смазанную, Глотаешь - невдомек тебе. Глотай, глотай, мошенник, плут, Зато потом придется туго!

Вот точно так же и ты, князь, сдается мне, подобен тому игроку-жулику. Откажись, князь, от этого вредного мнения. Откажись, князь, от этого вредного мнения. Не было бы тебе от него долгих бед и горя.

- Хоть почтенный Кашьяпа и говорит так, не смею я отказаться от этого вредного мнения. Ведь и царь Прасенаджит кошальский, и сопредельные цари знают, что князь Паяси так считает и так утверждает - нет того света, нет самородных существ, нет плодов и последствий дурных и добрых дел. Если я откажусь от этого вредного мнения, будет кому упрекнуть меня - вот ведь глуп и неразумен князь Паяси, слабо за свои взгляды держится. Назло буду их держаться, с досады буду их держаться, из упрямства буду их держаться.

- Так я тебе, князь, сравнение приведу. Через сравнение некоторые сообразительные люди понимают смысл сказанного. Когда-то, князь, некий народ переселялся. И вот товарищ сказал товарищу: "Давай, приятель, сходим туда, где жил тот народ, может, какое-нибудь богатство себе раздобудем". "Хорошо, приятель", - отвечал товарищ товарищу. И вот пришли они туда, где жил этот народ, пришли на какую-то деревенскую улицу. И увидели они там, что брошено много пеньки. Увидев это, товарищ сказал товарищу: "Видишь, приятель - брошено много пеньки. Ты свяжешь себе носу пеньки, я свяжу себе носу пеньки, пойдём с ношами пеньки". "Хорошо, приятель", -отвечал товарищ товарищу и связал себе носу пеньки. И вот они оба с ношами пеньки пришли на какую-то другую деревенскую улицу и увидели там, что брошено много пеньковой нити. Увидев это, товарищ сказал товарищу: "Вот, приятель, брошено много пеньковой нити, а это - то, ради чего нужна была бы нам пенька. Давай-ка, приятель, и я выброшу свою носу пеньки, и ты выбросишь свою носу пеньки, пойдём дальше с ношами пеньковой нити". -Эта ноша пеньки, приятель, у меня хорошо увязана, да и принес я ее издалека, так что с меня хватит, а ты как знаешь". Выбросил его товарищ носу пеньки, взял носу пеньковой нити и пошел дальше. И вот пришли они на какую-то деревенскую улицу и увидели там, что брошено много дерюги. Увидев это, товарищ сказал товарищу: "Вот, приятель, брошено много дерюги, а это то, ради чего нужна была бы нам пенька или пеньковая нить. Давай-ка, приятель, ты выбросишь свою носу пеньки, я выброшу свою носу пеньковой нити, пойдём дальше с ношами дерюги". - "Эта ноша пеньки, приятель, у меня хорошо увязана, да и принес я ее издалека, так что с меня хватит, а ты как знаешь". Выбросил его товарищ носу пеньковой нити, взял носу дерюги и пошел дальше. И увидели они потом в других местах, что брошено много льняной пряжи, .. льняной нити, .. полотна, .. хлопковой пряжи, .. хлопковых нитей, .. бумажного полотна, .. железа, .. меди, .. олова, .. свинца, .. серебра, .. наконец, золота. Увидев золото, товарищ сказал товарищу: "Вот, приятель, брошено много золота, а это - то, ради чего нужны были бы нам пенька или пеньковая нить, или дерюга, или льняная пряжа, или льняная нить, или полотно, или хлопковая пряжа, или хлопковая нить, или бумажное полотно, или железо, или медь, или олово, или свинец, или серебро. Давай-ка, приятель, ты выбросишь свою носу пеньки, я выброшу свою носу серебра, пойдём дальше с ношами золота". - "Эта ноша пеньки, приятель, у меня хорошо увязана, да и принес я ее издалека, так что с меня хватит, а ты как знаешь". Выбросил его товарищ носу серебра, взял носу золота и пошел дальше.

И вот пришли они к своей деревне. И тому из двух товарищей, что пришел с ношей пеньки, ни родители не обрадовались, ни жена с детьми не обрадовались, ни счастья и довольства он от того не испытал. Тому же из двух товарищей, что

пришел с ношей золота, и родители обрадовались, и жена с детьми обрадовались, и друзья-приятели обрадовались, и он счастье и довольство от того испытал. Вот точно так же и ты, князь, сдается мне, подобен тому, кто принес ношу пеньки. Откажись, князь, от этого вредного мнения. Откажись, князь, от этого вредного мнения. Не было бы тебе от него долгих бед и горя.

- Уже первая твоя притча, почтенный Кашьяпа, меня восхитила и порадовала, но я хотел еще послушать твоих цветистых ответов, потому и решил противоречить почтенному Кашьяпе. Превосходно, Кашьяпа, превосходно, Кашьяпа! Ты меня словно с головы на ноги поставил, словно спрятанное показал, заблудившегося на дорогу вывел, в темноте масляный светильник поставил: "Имеющий глаза да видит", - вот так же и ты, почтенный Кашьяпа, многими способами разъяснил дхарму. Иду я теперь, почтенный Кашьяпа, под защиту Блаженного Готамы, его дхармы и общины монахов. Читайте меня, Кашьяпа, мирским последователем, с нынешнего дня преданным всем существом, нашедшим в этом защиту. Я хочу, уважаемый Кашьяпа, совершить большое жертвоприношение. Пусть научит меня почтенный Кашьяпа, как поступить, чтобы были от него долги польза и радость.

- Если, князь, на жертвоприношении или коров закалывают, или козлов и баранов закалывают, или птицу и свиней закалывают, или многих существ умерщвляют; и если восприемники жертвы привержены ложным воззрениям, ложным намерениям, ложной речи, ложным делам, ложному образу жизни, ложному усилию, ложному памятованию, ложному сосредоточению, - то такое жертвоприношение не принесет большого плода, большого преимущества, большого блеска и большого великолепия. Представь, князь, что пахарь пошел с плугом и семенами в лес. Там он на плохой полянке с необработанной землей, необранными пнями высадит нецелые, подгнившие, траченные солнцем и ветром, просроченные, в сырости хранившиеся семена, и дождь тоже не будет поливать их, как должно, время от времени. Разве вырастут, разрастутся, разовьются эти семена, разве будет от того пахарю обильный урожай?

- Все нет, уважаемый Кашьяпа.

- Вот точно так же, князь, если на жертвоприношении или коров закалывают, или козлов и баранов закалывают, или птицу и свиней закалывают, или многие существа умерщвляют; и если восприемники жертвы привержены ложным воззрениям, ложным намерениям, ложной речи, ложным делам, ложному образу жизни, ложному усилию, ложному памятованию, ложному сосредоточению, - то такое жертвоприношение не принесет большого плода, большого преимущества, большого блеска и большого великолепия. Но если, князь, на жертвоприношении ни коров не закалывают, ни козлов и баранов не закалывают, ни птицы и свиней не закалывают, ни существ не умерщвляют; и если восприемники привержены истинным воззрениям, истинным намерениям, истинной речи, истинным делам, истинному образу жизни, истинному усилию, истинному памятованию, истинному сосредоточению, - то такое жертвоприношение принесет большой плод, большое преимущество, большой блеск и большое великолеpie. Представь, князь, что пахарь пошел с плугом и семенами в лес. Там он на хорошей полянке с обработанной землей, убранными пнями, высадит целые, не подгнившие, не траченные солнцем или ветром, не просроченные, в сухости хранившиеся семена, и дождь тоже будет поливать их, как должно, время от времени. Не вырастут ли, не разрастутся ли, не разовьются ли эти семена, не будет ли от того пахарю обильный урожай?

- Да, уважаемый Кашьяпа.

- Вот точно так же, князь, если на жертвоприношении ни коров не закалывают, ни козлов и баранов не закалывают, ни птицы и свиней не закалывают, ни существ не умерщвляют; и если восприемники привержены истинным воззрениям, истинным намерениям, истинной речи, истинным делам, истинному образу жизни, истинному усилию, истинному памятованию, истинному сосредоточению, - то такое жертвоприношение принесет большой плод, большое преимущество, большой блеск и большое великолеpie.

И князь Паяси учредил раздачу даров шраманам и брахманам, обездоленным нищим странникам и просителям. Еда на этой раздаче подавалась такая - рис-сечка с прокишей кашей; и давали старые, по краям разлохматившиеся одежды. В этой раздаче даров занят был и молодой брахман Уттара. Раздавая дары, он ворчал: "Я с князем Паяси через этот дар в этой жизни встретился, не встретиться бы в той!"(9) И князь Паяси услышал, что молодой-де брахман Уттара, раздавая дары, ворчит: "Я с князем Паяси через этот дар в этой жизни встретился, не встретиться

бы в той!" И вот князь Паяси послал за молодым брахманом Ут-тарой и спросил его: "Верно ли, что ты, дорогой Уттара, ворчал, раздавая дары: "Я с князем Паяси через этот дар в этой жизни встретился, не встретиться бы в той!"

- Верно.

- А почему ты так ворчал? Разве не стремимся мы обрести заслуги, не рассчитываем получить плоды даров?

- Еда на твоей раздаче, почтенный, такая подается - рис-сечка с прокисшей кашей. Ты же побрезгуешь ногой ее тронуть, а не то что съесть. И одежды дают старые, по краям разлохматившиеся; ты же ногой побрезгуешь их тронуть, не то что надеть. Ты, почтенный, нам мил и приятен, разве можем мы связывать приятное с неприятным?

- Так ты сам, милый Уттара, учреди раздачу даров, где подадут такую еду, какую я ем, и такие одежды, в каких я сам хожу.

- Хорошо, - ответил молодой брахман Уттара князю Паяси, и он учредил раздачу даров, где подавали такую еду, какую ел князь Паяси, и такие одежды, в каких ходил князь Паяси.

И вот князь Паяси, свершив дары не основательные, свершив дары чужими руками, свершив дары необдуманно, свершив дары бросовые, попал после смерти, после распада тела в сообщество богов - четырех Великих царей(10), в пустой дворец богов ширишового дерева.

А молодой брахман Уттара, что был занят в раздаче его даров, свершив дары основательные, свершив дары своими руками, свершив дары обдуманно, свершив дары не бросовые, попал после смерти, после распада тела в благой удел, на небеса, в сообщество богов Обители Тридцати Трех.

А в то время достопочтенный Гавампати постоянно ходил днем отдыхать в пустой дворец богов(11) ширишового дерева. И вот богородный Паяси подошел к достопочтенному Гавампати; подойдя, он приветствовал достопочтенного Гавампати и стал рядом с ним. И достопочтенный Гавампати спросил богородного Паяси, стоявшего рядом с ним:

- Кто ты, собрат?

- Я, почтенный, князь Паяси.

- А ты разве не держался такого мнения: нет-де того света, нет самородных существ, нет плодов и последствий добрых и дурных дел?

- Верно, почтенный, держался я такого мнения, что нет-де того света, нет самородных существ, нет плодов и последствий дурных и добрых дел. Но достопочтенный Кашьяпа-царевич меня в этом вредном мнении разубедил.

- А молодой брахман Уттара, что был занят в твоей раздаче даров, куда попал?

- А молодой брахман Уттара, что был занят в моей раздаче даров, свершил дары основательные, свершил дары своими руками, свершил дары обдуманно, свершил дары не бросовые, и после смерти, после распада тела, попал в благой удел, на небеса, в сообщество богов Обители Тридцати Трех. Я же сам свершил дары неосновательные, свершил дары чужими руками, свершил дары необдуманно, свершил дары бросовые, и после смерти, после распада тела, попал в сообщество богов - четырех Великих царей, в пустой дворец ширишового дерева. Так что, почтенный Гавампати, объяви, когда вернешься в мир людей: "Основательно дары свершайте, своими руками дары свершайте, обдуманно дары свершайте, не бросовые дары свершайте. Князь Паяси, свершив дары неосновательно, свершив дары чужими руками, свершив дары необдуманно, свершив дары бросовые, попал после смерти, после распада тела, в сообщество богов четырех Великих царей, в пустой дворец ширишового дерева. А тот молодой брахман Уттара, что был занят в его раздаче даров, свершив дары основательно, свершив дары своими руками, свершив дары обдуманно, свершив дары не бросовые, попал после смерти, после распада тела, в благой удел, на небеса, в сообщество богов Обители Тридцати Трех.

И достопочтенный Гавампати, вернувшийся в мир людей, объявил: "Основательно дары свершайте, своими руками дары свершайте, не бросовые дары свершайте. Князь Паяси, свершив дары неосновательно, свершив дары чужими руками, свершив дары необдуманно, свершив дары бросовые, попал после смерти, после распада тела, в сообщество богов Четырех Великих царей, в пустой дворец ширишового дерева. А тот молодой брахман Уттара, что был занят в его раздаче даров, свершив дары основательно, свершив дары своими руками, свершив дары обдуманно, свершив дары не бросовые, попал после смерти, после распада тела, в благой удел, на небеса, в сообщество богов Обители Тридцати Трех..."

(1) Буддийский монах Кашьяпа прозван царевичем, так как был воспитан при царском дворе. По рождению – сын монахини.

(2) Князь – санскр. раджанья. Положение раджаньи определяется данным ниже описанием пожалования ему со стороны царя.

(3) То есть нет посмертной жизни, качество которой определялось бы поступками в этой жизни. Самородные существа – те, кто появляются на свет самопроизвольно, не имеют родителей (такими считались обитатели адов и небес).

(4) Шраман Готама – то есть Будда, как называли его небуддисты.

(5) Названы десять неблагих путей деяния.

(6) Обитель Тридцати Трех – божественная обитель на вершине горы Меру, где обитает Индра (Шакра) с божественной свитой.

(7) Отшельник-космач – такой, который не стриг волос и нарочито их запутывал, закатывал в шевелюру репы и т. п.

(8) Из параллельных сюжетов и дальнейшего изложения ясно, что это оборотень-людоед.

(9) Уттара намекает, что от таких никудышных даров князь Паяси в будущей жизни может оказаться не в положении дарителя их, а в положении получателя.

(10) Сообщество богов – четырех Великих царей – низший из уровней небес. Великие цари охраняют четыре стороны света.

(11) Посещать мир богов почтенному Гавампати позволяли чудесные способности, обретаемые с помощью йоги.

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке

<http://filosoff.org/> Приятного чтения!

<http://buckshee.petimer.ru/> форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы, недвижимость. Здоровый образ жизни.

<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет магазин обуви Интернет магазин

<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных сайтов. Интеграция, Хостинг.

<http://dostoevskiyfyodor.ru/> Приятного чтения!